

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94(44) 81 (=35) - 054.72

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-136-146

**ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ АДАПТАЦИИ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭМИГРАНТОВ В 1920-1930-Е ГОДЫ:
ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И ОБРАЗОВАНИЯ¹****И.Л. БАБИЧ**

*Институт этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
babich@iea.ras.ru*

Аннотация. Цель статьи – описать ключевые аспекты адаптации северокавказцев – эмигрантов, которые эмигрировали в 1920-е г. в Европу. Автор рассматривает языковые проблемы (французского, русского и северокавказских языков) и проблемы образования и обучения в Европе. Статья подготовлена на основе группы архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот: это материалы из российских и французских архивных фондов, данные проведенных автором полевых этнографических интервью с детьми эмигрантами первой волны, а также опубликованные материалы (материалы эмигрантских журналов и газет). Подобная тема исследования впервые стала рассматриваться в научных работах. Автор подробно останавливается на уровне знания северокавказцами французского языка, на роли русского языка в кавказской эмигрантской среде и наконец, степени сохранения национальных языков народов Северного Кавказа. Образование северокавказских эмигрантов включает два аспекта: характеристика образования, полученного северокавказскими эмигрантами еще в Российской империи (высшего, среднего образования), и описание системы получения образования в европейских странах (Чехии, Франции и др. европейских странах).

Ключевые слова: Северный Кавказ; народы; национальные языки; французский язык; русский язык; высшее образование; обучение.

**FEATURES OF EUROPEAN ADAPTATION OF NORTH CAUCASIAN
EMIGRANTS IN THE 1920-1930-s: PROBLEMS OF LANGUAGE AND
EDUCATION****I.L. BABICH**

*Institute of Ethnology and anthropology RAS
119334, Moscow, Lenin Ave., 32a*

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Abstract. The aim of this article is to describe the key aspects of adaptation of North Caucasians who emigrated to Europe in the 1920-s. The author considers language problems (French, Russian and North Caucasian languages) and problems of education and training in Europe. The article is prepared on the basis of some group of archival materials. These materials re from Russian and French archival funds, materials collected by the author of field ethnographic interviews with children of emigrants of the first wave, as well as published materials (materials of emigrant journals and Newspapers). This study was a new research on theme of adaption in the sphere of language and education among North Caucasian emigrants. The author studies the level of knowledge of the North Caucasians of the French language, the role of the Russian language in the Caucasian emigrant environment and finally, the degree of preservation of the national languages of the peoples of the North Caucasus. Education of North Caucasian emigrants includes two aspects: characteristics of education received by North Caucasian emigrants in the Russian Empire (higher, secondary education), and description of the system of education in European countries (Czech Republic, France and other European countries).

Keywords: North Caucasus; peoples; national languages; French languages; Russian languages; higher education; training.

Введение

В 1920-е годы северокавказцы, не согласные с социально-политическими изменениями в стране и регионе, были вынуждены эмигрировать: часть из них осела в Турции, где в то время жили потомки тех, кто было насильственно переселен в разные периоды XIX – начала XX вв., а большинство – в странах Европы, и в первую очередь, во Франции. Это были горцы-военные, чиновники, представители интеллигенции, активные мусульманские, национальные и общественно-политические деятели. Все они столкнулись с проблемой приспособления к европейской жизни. Важными аспектами адаптации эмигрантов к чужой культуре, жизни, особенностям социально-экономической жизни является решение проблемы «языкового» комфорта и получения в новой стране образования. Как северокавказцы решали языковые проблемы, как получали образование и находили работу? В предлагаемой статье мы рассмотрим ключевые аспекты новой жизни северокавказцев во Франции в 1920-1930-е гг. Объект данного исследования – северокавказские эмигранты во Франции в 1920-30-е гг., предмет – языковые и образовательные формы адаптации к новой жизни.

Статья подготовлена на основе группы архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. В статье привлечены материалы из двух российских архивов: Архива Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Étranger, Москва. Дом Русского Зарубежья) и Государственного архива Российской Федерации. Между тем, основной корпус архивных данных был извлечен нами из различных архивов Франции, где оказалось достаточно много материалов, которые осели в государственных и частных архивах, освещающих различные стороны жизни кавказских эмигрантов 1920-1930-х гг.: архив Али Мардана Бека Топчибаши

(Топчибашева), материалы, почерпнутые нами из Французского управления по защите беженцев и лиц без гражданства (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides, OFPRA). Кроме того, в статье использованы данные проведенных автором полевых этнографических интервью с детьми эмигрантов первой волны. В работе привлечены материалы зарубежной периодики 1920-1950-х годов: это кавказские журналы («Северный Кавказ», «Кавказ», «Кавказский горец»), казачьи журналы («Терский казак»), русские журналы и газеты («Русская мысль», «Новое русское слово»). В данных журналах мы обнаружили не только статьи северокавказцев общественно-политического характера, но и факты их жизни. В статье применен исторический метод исследования, что позволило собрать, проанализировать и интерпретировать собранные архивные материалы и данные устной истории. Это дало возможность провести историческую реконструкцию отдельных сторон жизни северокавказских эмигрантов во Франции 1920-30-е годы.

Новизна данной статьи состоит в том, что, во-первых, впервые введены новые архивные материалы (из российских и французских архивов). Во-вторых, впервые подняты вопросы бытования среди эмигрантов различных языков и решение проблемы получения образования в Европе. До сих пор по данной тематике не было ни одной научной работы. В основном, за последние 20-30 лет достаточно плодотворно и всесторонне изучается история русской эмиграции в Европе [Турыгина 2016], а также активно изучаются формы современной адаптации русских колоний в мире [Русский мир... 2018]. Между тем кавказская эмиграция как объект исследования – явление в зарубежном эмигрантоведении новое, в котором пока больше «белых пятен», чем открытий.

Освоение французского языка.

Сохранение национальных и русского языков

Одним из главных компонентов адаптации эмигранта к жизни в другой стране является освоение им государственного языка. Большинство северокавказских эмигрантов, приехав во Францию в 1920-е годы, не знали французского языка. Лишь отдельные северокавказцы владели этим языком. Таким человеком был общественный деятель, кумык Гайдар Баммат. Оказавшись во Франции, Г. Баммат издавал книги по истории, этнографии и религии Кавказа на французском языке. Адыг Айтек Намиток, юрист по образованию, тоже прекрасно владевший французским языком, поступил в университет Сорбонны, где увлекся историей, этнографией и фольклором Кавказа, став со временем членом Лингвистического парижского общества (Société de linguistique de Paris). Во Франции он издал ряд книг на французском языке, среди которых «Происхождение черкесов» и др. В 1930-е годы французским языком владел и осетин Д. Дзанти. В Париже он делал доклады об осетинских традициях на французском языке. Но эти люди скорее исключение, чем правило. Все кавказские эмигранты (в том числе и северокавказцы), как свидетельствуют многочисленные архивные материалы, вели переговоры между собой на русском языке. Русский язык знали все кавказцы. Как известно,

Российская империя в течение XIX – начале XX вв. создала довольно разветвленную систему начального и среднего образования на Кавказе, где изучался русский язык [Бабич 2008]. Большинство кавказских эмигрантских журналов («Северный Кавказ», «Независимый Кавказ» и др.) 1920-х годов издавались на русском языке. Именно русский язык в это время стал языком международного общения для всех кавказских эмигрантов в Европе вообще и во Франции в частности.

Поскольку в эмиграции оказались и те кавказцы (в том числе и северокавказцы), которые стремились к организации в эмиграции общественно-политической деятельности, точнее, к продолжению этой работы за границей, требовалось установить контакты с французскими государственными, военными и общественными лидерами. Пропагандировать свои идеи среди французов без французского языка сделать было невозможно. В те годы русский язык не был популярен среди французов. Те кавказцы, которые проводили заседания своих общественно-политических и национальных объединений, печатали протоколы этих встреч на русском языке. Тем не менее они начали делать переводы этих материалов на французском языке. В частности, уже в 1922-1923 гг. так делал руководитель азербайджанской зарубежной делегации, прибывшей на мирную конференцию в Версале в 1919 г., Али Мардан Топчибаши. В эмиграции он часто проводил заседания своей делегации, которая в полном составе осталась во Франции. Кроме того, он начал движение за создание на Родине нового государственного образования – Кавказской конфедерации, куда должны были войти все народы Кавказа (в том числе и северокавказцы). Заседания сторонников этого движения также переводились на французский язык и распространялись среди французской политической элиты [ААМТ. Кор. I-X].

В 1926 г. адыг А. Намиток совместно с азербайджанцем Д. Гаджибейли начал издавать журнал «Прометей» на французском языке [ААМТ. Кор. XIII-XIV]. Целью издания данного журнала была пропаганда кавказских идей во французской среде. Большинство статей в журнале «Прометей», посвященных истории Северного Кавказа, были подготовлены не историками, а политиками (В.-Г. Джабагиевым, А. Кантемиром, А. Цаликовым, Т. Элекхоти, К.-Х. Бесолти, И.-Б. Чуликом, Б. Билатти, Т. Шакмановым и др.). В архиве Али Мардана Топчибаши мы нашли отчет о деятельности журнала «Прометей» за 1926–1934 гг., в котором указано, что задачи журнала – «ознакомить общественное мнение Европы с действительным положением вещей в России, лишенной внутреннего национального единства и представляющей, при настоящем положении, большую опасность для спокойствия Европы и всего мира. Осветить перед ними действительный вес и значение политических образований, как Кавказ и Украина, с точки зрения интересов общего мира и норм международных отношений» [ААМТ. Кор. XI].

Между тем семьи северокавказцев, в которых были дети, довольно скоро переставали иметь проблемы с французским языком. Дети пошли учиться во французские школы, где быстро освоили новый язык. Однако семейных северокавказцев в 1920-е годы во Франции было немного. Основная часть

эмигрантов с Северного Кавказа оказалась в новой стране без семей и не сразу обзавелась супругами, оставаясь одинокими многие годы. Со временем некоторые из военных-горцев женились на француженках.

Важной «языковой» проблемой во Франции для народов Кавказа стало сохранение национальных (кавказских) языков. Как мы указывали выше, среди кавказской эмиграции было много офицеров и казаков, состоявших на службе в Российской армии. Все они окончили военные учебные заведения в Российской империи, где, как правило, запрещалось говорить на национальных (родных) языках. В этих заведениях все преподавалось на русском языке. Хорошо владея русским языком, многие из военных-горцев вообще не знали своего родного языка. В быту они пользовались русским языком. Такая ситуация была характерна и для других северокавказцев, находящихся на службе в различных российских органах власти.

Писатель, осетин Гайто Газданов, попавший подростком в эмиграцию, не знал осетинского языка [Диенеш 1995]. Родившиеся уже во Франции или приехавшие малолетними дети кавказских офицеров вообще не знали родных языков. В их семьях говорили только на русском языке. Так было в семьях осетинского офицера Михаила Абадиева, грузинского офицера Михаила Чавчавадзе [ПМА]. Об этом нам рассказывал сын Чавчавадзе – Нико. Отметим, что среди националистически настроенных кавказцев знание родных языков приветствовалось, поэтому в Париже были грузины-националисты, которые хорошо знали грузинский язык, но Нико, выросший в семье русского офицера, не мог пойти учить язык к своим же соплеменникам, но другой политической ориентации [ПМА].

Иногда в парижских учебных заведениях появлялись курсы по изучению кавказских языков, например, в 1928 г. при Институте восточных языков и культуры были открыты курсы осетиноведения и осетинского языка (рук. – проф. Г.Д. Воронец) [Русское зарубежье... 1995]. В журнале «Горцы Кавказа», издаваемом в Париже, мы встретили такое объявление: «Лица, желающие приобрести адыгейскую азбуку и грамматику (в сирийской транскрипции), обращаться к Батоко Харуну» [Горцы... 1933: 10]. Заказ следовало направлять в Сирию. Таким образом, с одной стороны, можно отметить, что попытки сохранения северокавказских языков имели место быть во Франции в 1920-30-е годы, но с другой, ослабление национальных языков было налицо. Как нам представляется, незнание северокавказскими эмигрантами своих родных языков во многом облегчало им адаптацию к французскому языку и культуре, а следующему поколению – и ассимиляцию.

Как мы указывали выше, в эмиграции кавказцы общались между собой на русском языке, разрабатывая между тем идею создания общего для всех кавказских народов языка на базе кумыкского языка [ААМТ. Кор. IX]. В Варшаве была создана комиссия, в которую вошли многие видные представители народов Северного Кавказа. На рассмотрение были представлены следующие языки: кумыкский, абхазский, адыгейский, аварский, чеченский, осетинский. При выборе межплеменного языка комиссия остановила свой выбор на кумыкском языке. Решено было в этот язык внести

слова, которые являются общими для большинства племенных языков Северного Кавказа. При этом учитывалось и то, что кумыкский (тюркский) язык в течение веков играл на Северном Кавказе роль языка *lingua franca*. На комиссии также было принято решение «в качестве основы будущего северокавказского унифицированного алфавита использовать так называемый новый тюркский алфавит, вводимый советским правительством во многих восточных «автономиях», в том числе отчасти и на Северном Кавказе.

Подчеркнем, что среди националистических общественных лидеров Северного Кавказа, которые в эмиграции активно боролись против включения региона в состав России, отношение к русскому языку было резко отрицательным. По их мнению, Россия активно насаждала народам Северного Кавказа русский язык и русскую культуру, принеся народам неисчислимые бедствия. В журнале «Северный Кавказ» в 1935 г. указывалось, что «через 5-7 лет после восстановления независимого горского государства русский язык будет символически, но торжественно сожжен на костре перед памятником нашей независимости... Каждый из горских народов сохраняет свой язык для развития своих духовных ценностей и сохранения извечных традиций, характерных для него» [К.А. 1934: 25-31].

Образование

Приехавшие во Францию северокавказские эмигранты были с разным «образовательным» багажом, в силу чего им пришлось по-разному решать вопрос о продолжении учебы и приобретении профессий. Как мы указывали выше, среди эмигрантов было много военных. Они, как правило, окончили различные военные заведения Российской империи. Были люди, которые получили среднее техническое или высшее образование в России, и даже успевшие там поработать по своей специальности. Проанализируем «образовательный» багаж северокавказцев.

Северокавказцы, получившие высшее образование в Российской империи

Таких людей было немного. Два северокавказца окончили медицинские факультеты: один – в Московском (Э.К. Кудашев), второй – в Киевском государственных университетах (И.М. Шаков). Хотя В.Н. Кудашев прожил в эмиграции до 1946 г., у нас нет сведений, что он работал во Франции по специальности, тогда как И.М. Шаков, который еще до революции имел собственную клинику в Грозном, и во Франции продолжил свою врачебную деятельность в 1930-е годы. Он организовал гинекологический кабинет в 15-м округе Парижа, где проживало большинство северокавказских эмигрантов.

Во Францию прибыли северокавказцы, которые еще в Российской империи получили юридическое образование (в Московском и С.-Петербургском университетах), а также опыт практической работы в этой сфере деятельности. Присяжными поверенными работали выпускники Московского университета, карачаевец Магомед Лабманович Абуков, осетин

Георгий Васильевич Баев [Некролог... 1939]. В Москве учились казак Лука Лаврентьевич Быч, черкес Мурат Хатгогу, балкарец Таусултан Келеметович Шакманов (работал адвокатом), осетин Ахмет Цаликов. Выпускниками С.-Петербургского университета были: осетин Алихан Кантемир, кумык Гайдар Бей Нажмутдинович Баммат (работал адвокатом), кабардинец Гамид-бей Чежоков (работал судебным следователем), Пшемахо Тамашевич Коцев, а также упоминавшийся выше азербайджанец Али Мардан Топчибаши (работал присяжным поверенным). Черкес Шахим Султан-Гирей окончил юридический университет Харьковского университета, работал до революции адвокатом. Осетин Михаил Николаевич Абадиев попал в эмиграцию, не успев доучиться на юридическом факультете С.-Петербургского университета, доучивался уже в Русском университете в Праге. У нас почти нет информации, что северокавказским эмигрантам удавалось устроиться на работу по профилю своего высшего образования. Известно, что М.Н. Абадиев, любя юриспруденцию, никогда не работал в Париже по специальности. Он, окончив автомобильные курсы, работал шофером такси. Видимо, адвокатская практика в Париже была у балкарца Т. Шакманова.

В Париже оказалось несколько армян, окончивших Лазаревский институт восточных языков (Абрам Осипович Гукасов (Гукасянц), Александр Семенович Шах-Назаров. Восточный факультет С.-Петербургского университета окончил бжедуг Василий Николаевич Гаджемуков.

Были северокавказцы, получившие техническое (инженерное) образование. Двое из них окончили Институт инженеров путей сообщения (С.-Петербург): казак, осетин Семен Андреевич Хатаев, лезгин Ибрагим-Бек Исабекович Гайдар. Вассан-Гирей Эльджиевич Джабаги приехал во Францию, имея профессию агронома. Высшее образование имел его брат ингуш Магомет-Гирей Джабаги, который еще до революции окончил Владикавказское реальное училище и Рижский политехнический институт.

Обучение

Попав в эмиграцию детьми, подростками северокавказцы пошли учиться в лицеи, гимназии. Например, дочь Измаила Шакова – Цурьета окончила в Париже лицей Мольера (1929 г.) [OFPPRA]. Приехавшие в 1920 в Париж вместе с отцом, кабардинцем К.Н. Хагондоковым сыновья – подростки (Георгий и Константин) пошли учиться в лицей Оша (Версаль). Вначале 1920-х гг. Русскую гимназию в Шумене (Болгария) окончили чеченец М.И. Байсунгуров и осетин Г.И. Газданов [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 109, 3458]. Сложнее было с молодыми людьми. Но помогла Чехия. Многие северокавказские эмигранты, прежде чем осесть во Франции, вначале оказались в Чехии, в Праге, власти которой выделили значительные средства на образование беженцев из России. Большинство беженцев из России получили образование именно в Праге. Чешские власти также субсидировали русские печатные издания, научные институты, создание русских архивов и т.п. К концу 1920-х годов из-за мирового экономического кризиса чешское финансирование сократилось.

Эмигранты, в том числе и горцы Северного Кавказа, переехали во Францию [ААМТ].

В 1920-х гг. северокавказские эмигранты объединились в Союз горцев Кавказа. В 1923 г. на собрании членов Союза было принято «Обращение ко всем эмигрантам горцам Кавказа», в котором говорилось следующее:

«Горцы Кавказа, находящиеся на территории Чехословацкой Республики, объединились в единой организации, носящей название «Союз Горцев Кавказа в Ч.С.Р.». Цель союза – помочь *получить молодежи образование и «вернуться на Кавказ полезными работниками на благо народа»*. Чешские власти, предоставляя горцам стипендии для бесплатного обучения в вузах Чехии, обращались именно в Союз горцев Кавказа для того, чтобы Союз сам их распределял. На эти стипендии были приняты кабардинцы И. Сидаков, М. Шуманукова и Хаджет Сиатокова, балкарцы И. Урусбиев и Науруз Суншев, осетины К. Зангиев и А. Кундухов, азербайджанец А. Султан-задэ Хроника... 1923: 70-72].

В 1923 г. в Праге был основан Русский народный университет, где обучались тысячи эмигрантов из России, в том числе и северокавказцы. На юридическом факультете учились осетины, офицер Михаил Абадиев и казак Николай Вазагов [ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 32]. Естественный факультет Карловского университета окончил адыг Эльмурза Бекович-Черкасский (до этого во Владикавказе он окончил реальное училище). В Украинском свободном университете учились адыги Гамид Бекух и Мурат Хатгогу [Хроника... 1923: 70-72]. Осетин Кази-Хан Бесолти окончил в Праге коммерческий институт. На агрономическом факультете Политехникума учились адыг Бейбулат Бжегаков, осетины Джемалэддин Кануков и Руслан Тлатдаты; на электромеханическом – адыг Крым-Гирей Кучмазукин, аварец Ахмед Магомаев, балкарец Али Шаханов; на путейском факультете – осетин Боза Саламов [Хроника... 1923: 70-72]. В Институте сельскохозяйственной кооперации учился осетин Константин Гульдиев. Осетины Барасби Павлович Байтуганов и Салказанты окончили высшую железнодорожную школу (Прага). Чеченец Ахмет Наби Магома (Магомаев), который окончил реальное училище (в Темир-Хан Шуре, ныне – Буйнакске). В эмиграции, в Праге, он продолжил образование и получил диплом инженера [Некролог... 1961].

Получение высшего образования во Франции

Первое поколение северокавказских мигрантов стремилось продолжить учебу и во Франции, но таковых было мало. Имея диплом о среднем образовании, они не продолжали учиться в дальнейшем, например, адыг Пшемаф Челеметович Аджигоев еще в Майкопе окончил механико-техническое училище, но в эмиграции далее не учился.

Во Франции был образован эмигрантский фонд Земгора, который предоставлял стипендии тем, кто хотел получать образование. После окончания учебы и получения работы стипендиат должен был вернуть средства. И в архиве этого фонда есть заявления и от северокавказцев. Так, в университете

Сорбонны четыре года учился осетин Гайто Газданов [Диенеш 1995]. Казак из Екатеринодара Г.А. Четыркин окончил национальную музыкальную школу в Клермон-Ферране (в 1932 г.). Чеченец Абдула Меджидович Бадуев обращался в фонд Земгора для оказания ему финансовой помощи для получения диплома в области коммерции [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 3699]. Были случаи, когда военные продолжали военное обучение во Франции. Например, Саид Тукаев успел до революции окончить Владикавказский кадетский корпус. Во Франции он окончил кавалерийскую школу в Сомюре (1924 г.) [OFPRA].

Среди тех, кому удалось продолжить свое образование во Франции, было больше южнокавказцев. В Сорбонне учились: армянин А.А. Агаронян, азербайджанцы К. Макинский и Ага-Реза Тагиев (окончил школу политических наук (1924 г.). Электротехнический институт окончили армянин Г.А. Варданян (Тулуза, 1928 г.), грузин Н.Е. Гучмадзе (Нанси, 1931 г.). Грузины И.И. Надирадзе и Н.Г. Сабанадзе учились в Ecole de Filature et de Tissage (Мюлуз). Армянин М.Н. Тер-Микелов – в Ecole des Beaux-Arts (Париж, 1927 г.). Армянин Х. Туманьянц – в университете (Монпелье). Грузин Д. Цицишвили-Цицианов – в Ecole Technique de Photographie et de Cinematographie (1935 г.). Любопытно, что в списках выпускников всех учебных вузов Гренобля за 1920-1940-е годы, в котором мы видим около 400 фамилий эмигрантов из Российской империи, нет ни одного северокавказца, но есть грузины и армяне. Так, в коммерческом институте училась Н.А. Бебутова, в политехническом – грузин П.И. Джапаридзе, в электротехническом – грузин Н.П. Сабашвили [АЦ. Ф. 13. Разные дела].

Иногда северокавказцы, жившие во Франции, получали высшее образование в других европейских странах. Кумык Талат Шамхал-Тарковский в 1924 г. окончил английскую школу в Турции (Буюк-Дюре), а после переезда на жительство во Францию – Вандомский лицей. Затем он уехал учиться в Лувенский университет (Бельгия) [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Т. 7. Д. 3842]. Известный художник из Дагестана Мусаясул Халил-Бек окончил Академию художеств по классу живописи и рисования в Мюнхене (Германия), но как художник состоялся именно в Париже [Кантемир 1949]. Французский Земгор выделил стипендию адыгу Крым-Гирею Кучмазукину, который был принят в 1931 г. в Калифорнийский университет (США) [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Т. 8. Д. 4826]. Казаки, чеченцы из Грозного, братья А.И. и Е.И. Мамуковы окончили Белградский университет (физико-математический и технический факультеты).

Заключение

Как показали наши исследования, с одной стороны, многие северокавказские беженцы 1920-х годов получили среднее или высшее образование еще в Российской империи (главным образом, военное), с другой стороны, немногим из переселенцев удалось продолжить обучение в эмиграции. Большую роль в образовательном процессе сыграла Чехия, которая организовала в Праге Русский университет. Многие беженцы с Северного Кавказа прежде, чем обосноваться в Париже, отучились в нем. В какой степени

северокавказские эмигранты смогли применить свои специальные знания в эмиграции. Военные охотно шли служить во французский иностранный легион. Однако большинство эмигрантов устраивалось на рабочие специальности на автомобильные, металлургические заводы, многие становились водителями такси. На наш взгляд, проблема получения образования и использования его при приобретении профессий для эмигрантов первой волны практически не была решена. Не будем забывать, что языком общения для всех северокавказских общин был русский, французского языка почти никто не знал. Важно понимать, что многие горцы не знали и свои родные языки, что отчасти облегчало им адаптацию к французскому языку и культуре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ААМТ – *Архив Али Мардана Бека Топчибаши* (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // *École des Hautes Études en Sciences Sociales* (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHES). Париж (Франция).

АЦ – *Архив Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей* (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Étranger) // Дом Русского Зарубежья. Москва (Россия).

Бабич 2008 – *Бабич И.Л.* Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ "Росинформмагротех", 2008. – С. 171-186.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Горцы... 1933 – *Горцы Кавказа.* – 1933. – № 43.

Диенеш 1995 – *Диенеш Л.В.* Гайто Газданов: жизнь и творчество. – Владикавказ: Издательство Сев.-Осет. института гуманитарных исследований, 1995. – 303 с.

К.А. 1934 – *К.А.* О едином горском алфавите и языке // Северный Кавказ. – 1934. – № 4.

Кантемир 1949 – *Кантемир А.* Некролог // Русская мысль. – 1949. – № 163.

Некролог... 1939 – *Некролог* // Терский казак. – 1939. – № 38.

Некролог... 1961 – *Некролог* // Новое русское слово. – 1961. – 23 апреля.

ПМА – *Полевые материалы автора.* Интервью с Нико Чавчавадзе. 20 декабря 2017 г. Париж (Франция).

Русский мир... 2018 – *Русский мир* в меняющемся мире / Отв. ред. Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН. 2018 – 402 с.

Русское зарубежье... 1995 – *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940.* Франция: в 4 т. Т. 1: 1920-1929 / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.; Париж: ЭКСМО; УМСА-Press, 1995. – 630 с.

Турыгина 2016 – *Турыгина Н.В.* Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2016 – 190 с.

Хроника... 1923 – *Хроника* горской жизни // Кавказский горец. – 1923. – № 1.

OFPPRA – Французское управление по защите беженцев и лиц без гражданства (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides, *OFPPRA*). Париж (Франция).

REFERENCES

Arkhib Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive by Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. IN: *Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoy Rossii, Kavkaza i Tsentral'noy Evropi. Parizh (Frantsiya)* [Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. Paris, France]. (In Russian)

Arkhiv Tsentral'nogo komiteta po obespecheniyu vysshego obrazovaniya russkomu yunoshestvu za granitsey (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Étranger) [Archive of the Central Committee for the Higher Education of Russian Youth Abroad (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Étranger)]. IN: *Dom Russkogo Zarubezh'ya. Moskva (Rossiya)* [House of Russian Abroad. Moscow, Russia]. (In Russian)

BABICH I.L. *Vzaimosvyaz' sovremennykh gorskikh ideologiy i natsional'nykh interesov Rossii na Severnom Kavkaze* [The relationship of modern mountain ideologies and national interests of Russia in the North Caucasus]. IN: *Severnyy Kavkaz v natsional'noy strategii Rossii* [North Caucasus in the national strategy of Russia]. Ed. by V.A. Tishkov. – M.: FGNU "Rosinformagrotekh", 2008. – P. 171-186. (In Russian)

DIYNESH L.V. *Gayto Gazdanov: zhizn' i tvorchestvo* [Gaito Gazdanov: life and work] – Vladikavkaz: Publisher Sev.-Oset. Institute of humanitarian researches. – 1995. – 303 p. (In Russian)

Frantsuzskoye upravleniye po zashchite bezhentsev i lits bez grazhdanstva (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides) [French Office for the Protection of Refugees and Stateless Persons (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides)]. Paris. (In French)

Gortsy Kavkaza. – 1933. – No 43. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

K.A. *O yedinom gorskom alfavite i yazyke* [About a single mountain alphabet and language]. IN: *Severnyy Kavkaz.* – 1934. – No 4. (In Russian)

KANTEMIR A. *Nekrolog* [Obituary] IN: *Russkaya mysl'*. – 1949. – No 163. (In Russian)

Khronika gorskoy zhizni [Chronicle of mountain life]. IN: *Kavkazskiy gorets.* – 1923. – No 1. (In Russian)

Nekrolog [Obituary]. IN: *Novoye russkoye slovo.* – 1961. – April 23. (In Russian)

Nekrolog [Obituary]. IN: *Terskiy kazak.* – 1939. – No 38. (In Russian)

Polevyye materialy avtora. Interv'yu s Niko Chavchavadze. Parizh (Frantsiya) [Author's field materials. Interview with Niko Chavchavadze. Paris (France) 2017]. (In Russian)

Russkiy mir v menyayushchemsya mire [Russian world in a changing world]. Ed. by G.A. Komarova. – Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAN, 2018 – 402 p. (In Russian)

Russkoye zarubezh'ye: Khronika nauchnoy, kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni, 1920-1940: v 4 t. T. 1: 1920-1929 [Russian Abroad: A Chronicle of Scientific, Cultural and Social Life, 1920-1940: in 4 vols. Vol. 1: 1920-1929]. Ed. by L.A. Mnukhin. – M.; Paris: EKSMO; YMCA-Press, 1995. – 630 p. (In Russian)

TURYGINA N.V. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii v gody Vtoroy mirovoy voyny: Dis. ... kand. ist. nauk.* [Russian emigration to France during the Second World War: The dissertation for the Candidate of Historical sciences degree]. – S-Petersburg, 2016, – 190 p. (In Russian)